

пишет к «вельможе»: «к божии любви ревнителю, и к царьскому совету и ко государьскому приателству желателю». По другой дополнительной примете — титулованию духовного «вельможи» — составление письмовника можно отнести ко времени митрополита Иоасафа, к 1539—1541 гг. Так, второе по счету послание письмовника адресуется к «архиепископу», «святым собором избранному». Послание имеет в виду, вероятно, митрополита, так как в последней четверти XV в. архиепископы на Руси назначались, а не избирались,⁵ а титул архиепископов носили и митрополиты.⁶ Но в малолетстве Ивана IV до 1541 г. избран собором был лишь Иоасаф.⁷ Ясных признаков, где был составлен письмовник, заметить не удалось, можно лишь неуверенно предположить его новгородское происхождение: старший список письмовника находится как раз в Софийских, новгородских Великих Четвях-Минеях, а послание к митрополиту-архиепископу, вероятно, имеет какой-то общий источник с посланием ко владыке из Неозаглавленного письмовника.

Датирующих и местных примет письмовника «Сказание начертанию епистолиям» подбирается совсем мало. Составлен письмовник не позже конца XVI—начала XVII в., если судить по его самому раннему списку (ГПБ. Q. XVII. 149, сборная рукопись, где находится и так называемый Коншинский список Домостроя⁸). Благодаря особенности состава ранних списков время составления письмовника, вероятно, можно отодвинуть до 1589 г., до года учреждения русской патриархии: в ранних списках нет послания к патриарху, хотя есть образцы посланий к митрополиту и другим святителям. Наконец, окружение этого письмовника в списках тоже как будто свидетельствует о более позднем происхождении его по сравнению с двумя предыдущими письмовниками (чаще всего Повести или материалы об Азовском «сидении», Хождение Трифона Коробейникова, Азбуковники). Нижняя граница составления «Сказания начертанию епистолиям» остается неясной. Каких-либо ясных местных признаков в письмовнике не обнаруживается. Опять лишь неуверенно можно предположить его московское происхождение: иначе ни к чему были бы образцовые послания к царскому постельнику, к царскому казначею, к царскому палатнику.

В нескольких разных письмовниках, известных лишь по одному списку, местных и датирующих примет обычно достаточно: это географические названия, личные имена и так далее, как еще не вытравленные следы «дописьмовной» предназначенности посланий. Ограничимся наиболее крупными письмовниками в следующих рукописях: 1) ГПБ, собр. Петербургской Духовной академии, № 430; 2) ГПБ, Q. XVII. 67; 3) ГПБ, Q. XV. 2; 4) ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380; 5) ГПБ, F. III. 124. Письмовник собрания Петербургской Духовной академии, № 430 связан, вероятно, с новгородско-псковской областью: во-первых, в него включены различные послания к архиепископу новгородскому Макарию, послание архиепископа новгородского Феодосия и челобитная псковского житничного ключника с упоминанием новгородских владык, во-вторых, в его образцовых

⁵ См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, ч. 2. М., 1917, стр. 37.

⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 131.

⁷ С последней четверти XV в. до 1541 г. собором епископов были избраны лишь митрополиты Геронтий (1472—1489), Симон (1495—1505) и Иоасаф (в 1539 г.). См.: Е. Голубинский. История русской церкви, т. 2, ч. 1. М., 1900, стр. 516, 532, 608, 610—612, 648 и сл., 739 и сл.; т. 2, ч. 2, стр. 23; Макарий. История русской церкви, т. 6, стр. 149—150, 166, 205.

⁸ Датировку этой рукописи см.: А. Орлов. Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, стр. 35, 40.